

Тайны

Петербургского двора

Рождение мифа

— Слухи, что Николай I был рожден Марией Федоровной не от Павла I, родились и начали циркулировать в декабристской среде.

Не исключено, что одной из причин явилось жесткое наказание восставших декабристов...

По одной из версий, настоящий отец императора — воспитатель Великого князя Константина Карл Иванович Остен-Сакен. В частности, декабрист Александр Бриген в мемуарах писал: «В мае 1846-го кто-то, слушая историю Афанасия Петрова (сибирский самозванец, выдававший себя за Павла I. — Е. С.), назвал императора Николая Карлом Ивановичем. Да

Как возник миф, что Николай I — незаконнорожденный сын Павла I, и почему его мать, вдовствующая императрица Мария Федоровна, перед смертью завещала детям сжечь ее архив? Своими исследованиями делится кандидат исторических наук, старший научный сотрудник СПб ИИ РАН Михаил САФОНОВ.

к тому же в этот год в Гатчине сам Николай играл на театре роль булочника Карла Ивановича. И вот это „Карл Иванович“ разнеслось по России. Даже распустили слух, что бабка Николая живет в Петербурге на Галерной улице. Николай бесился и велел отыскать назвавшего его Карлом Ивановичем. Николай хорошо знал, на что намекали.

Но тот же Бриген в мемуарах пишет и другое: «Император Павел прекрасно знал, что его третий сын, Николай, был прижит Марией Федоровной от гоф-фурьера Бабкина, на которого был похож как две капли воды. Королева же голландская Анна

Павловна была прижита Марией Федоровной от статс-секретаря Муханова...»

Есть ли в этих записках хоть доля правды?

Фальшивка из 1920-х

Любопытно, что именно эта цитата вдруг всплыла в 1970-х. А дело было так. Писатель Натан Эйдельман работал над книгой «Герцен против самодержавия» (1973). Сын писателя Всеволода Иванова Вячеслав ознакомил его с материалами, которые отец собрал для пьесы «Двенадцать молодцов из табакерки». Среди них имелась рукопись довольно

Александр Бриген

Первая
жена
Павла I
Наталья
Алексеевна

известного сочинения «Разговор в царстве мертвых». В нее был вложен лист, на котором неизвестным почерком в современной орфографии был написан только что процитированный мною текст.

А перед этой записью неизвестной рукой было написано следующее: «Копия с копии (подлинник на французском языке сгорел в числе прочих материалов в ризнице Кувинской церкви Коми-Пермяцкого округа в 1918-м). Материалы, по свидетельству т. Теплоуховой, Н. А. Панина и др., собирались графом С. А. Строгановым в бытность его в Куве и в Лологском крае».

Дальше шел другой текст – «Письмо императора Павла I графу Ростопчину Федору Васильевичу. С.-Петербург, 15 апреля 1800 г. – В Москву (перевод с французского)». Текст письма гласил: «Дражайший Федор Васильевич!.. Сегодня для меня священный день памяти в Бозе почившей цесаревны Наталии Алексеевны, чей светлый образ никогда не изгладится из памяти моей до моего смертного часа. Вам, как одному из немногих, кому я абсолютно доверяю, с горечью признаюсь, что официальное отношение ко мне цесаревича Александра угнетает. Не внушили ли ему пошлую басню о моем происхождении его отца мои многочисленные враги?

Тем более грустно, что Алек-

Павел Первый

сандр, Константин и Александр – мои кровные дети. Прочие же?.. Бог весть!

Мудрено, покончив с женщиной все общее в жизни, иметь от нее детей. В горячности моей я начертил манифест «О признании сына моего Николая незаконным», но Безбородко умолил меня не оглашать его. Но все же Николай я мыслю отправить в Вюртемберг, к «дядям», с глаз моих: гоф-фурьерский ублюдок не должен быть в роли российского Великого князя – завидная судьба! Но Безбородко и Оболянинов правы: ничто нельзя изменить в тайной жизни царей, раз так predetermined Всевышний.

Дражайший граф, письмо это должно остаться между нами. Натура требует исповеди, а от этого становится легче и жить, и царствовать.

Пребываю к Вам благоклонный Павел».

Эйдельман это письмо опубликовал, но отнесся к нему с недоверием, потому сопроводил комментариями. Так, он отметил, что против подлинности документа свидетельствует то обстоятельство, что в нем ни слова не говорится о

Вторая
жена
Павла I
Мария
Федоровна

законности или незаконности рождения Михаила, родившегося после Николая, в 1798-м. Подозрительно выглядят и строки, объясняющие судьбу подлинника: «пожар», «ризница», «копия с копии». Возможно, составитель документа желал пошутить, ссылаясь на свидетельство «товарища Н. А. Панина»?

Кстати, добавлю от себя, кто такой Н.А. Панин? В окружении Павла I было два Панина с инициалом Н. – Никита Петрович и его дядя Никита Иванович, наставник Павла I и талантливый дипломат. Можно ли это отнести к ошибкам фальсификатора, или имелся ввиду один из свидетелей, зафиксировавших «копию с копии»? Не зря же указано «т. Теплоуховой» – товарищи? Странное обращение для XVIII века, не так ли?

С другой стороны, отмечал Эйдельман, в письме нет грубых ошибок: верна дата смерти первой жены Павла, Наталии Алексеевны, в Коми-Пермяцком округе существуют указанные географические названия, некоторые выражения кажутся действительно переведенными с французского...

Как бы то ни было, главный вывод писателя был таким: «Скорее всего, это сочинение, стилизованное «под Павла» и созданное после 1925 г.».

Я полностью согласен с выводами Натана Яковлевича,

Павел и Мария с сыновьями Сашей и Костей

кроме одного, что в письме нет грубых ошибок. Одну я нашел. Причем ошибка грубейшая, на которой обычно попадаются все мистификаторы и которая позволяет четко отнести документ к апокрифам.

В данном случае это дата письма – 15 апреля 1800-го. Автор, думаю, выбрал ее не случайно. Это годовщина смерти первой жены Павла I, что будто давало ему повод порассуждать о законности детей от второй жены. Но фальсификатор плохо знал ситуацию 1800-го, и это его подвело.

Дело в том, что 15 апреля 1800-го фаворит Павла I, граф Федор Васильевич Ростопчин, находился в Петербурге и император никак не мог писать ему в этот день в Москву. Вероятно, эта мысль не пришла в голову автору апокрифа или он не думал, что это можно легко проверить.

Другими словами, никакого письма Павла I Ростопчину, где царь признавался бы, что Николай – незаконный, не существует.

Но что же происходило на самом деле?

Тайная жизнь царей

– 25 июня 1796-го в 3 часа 45 минут утра великая княгиня Мария Федоровна в девятый раз разрешилась от бремени. «...Мамаша родила громад-

ного мальчика, которого называли Николаем, – сообщила Екатерина II своему постоянному корреспонденту Мельхиору Гримму. – Голос у него бас, и кричит он удивительно; длиной он аршин без двух вершков, а руки немного поменьше моих. В жизнь свою в первый раз вижу такого рыцаря... Если он будет продолжать, как начал, то братья окажутся карликами перед этим колосом».

Едва ли Екатерина II могла предположить, что, когда в 1825-м этот «колосс» станет императором всероссийским, по стране поползут слухи, что царь не имеет прав на престол, потому что он незаконнорожденный...

Хотя Мария Федоровна отличалась отменным здоровьем и была, по словам Екатерины II, мастерицей производить детей на свет, роды всегда протекали у нее очень тяжело. Особенно трудными оказались пятые роды (родилась Мария). Тогда Мария Федоровна даже дала обет, что, если останется жива, пожертвует определенную сумму бедным. 28 января 1798-го Мария Федоровна произвела на свет десятого ребенка – Великого князя Ми-

хаила. Врач заявил тогда, что еще одни роды могут быть смертельными...

Так это было в действительности или речь шла о том, чтобы по причине медицинских рекомендаций разлучить Павла I с супругой, сегодня точно установить уже невозможно. Как бы то ни было, практика такая существовала не только при российском дворе. К примеру, историк Евгений Шумигорский (1857–1920) в связи с этим заметил: «В истории большинства придворных интриг XVIII века медики играли одну из видных ролей, всегда оставаясь в тени со своими диагнозами и медикаментами. Король прусский Фридрих II, этот Макиавелли XVIII века, в записках прямо и философски спокойно рекомендовал обращаться к содействию докторов для достижения политических целей».

Дело в том, что после воцарения Павла I противоборствовали две группировки, борющиеся за влияние на нового императора, между которыми балансировал канцлер Александр Безбородко.

Одна группировка называлась «партией императрицы» (Марии Федоровны). Эти люди занимали ключевые посты, были связаны родственными и дружескими узами: камер-фрейлина Екатерина Нелидова, братья Куракины – генерал-прокурор (Алексей) и вице-канцлер (Александр), фельдмаршал Николай Репнин и т. д.

В другую входили в основном парвеню. «Гатчинцы» Федор Ростопчин, Алексей Аракчеев, Николай Архаров и т. д. По имени брадобрея императора Ивана Кутайсова она называлась «кутайсовской».

Так вот графиня Варвара Головина утверждала, что придворный врач был подкуплен брадобреем царя, чтобы

Великий князь
Николай Павлович. 1806

разлучить Павла I с супругой и заменить ее любовницей, которая стала бы послушным орудием в руках кутайсовской группировки. Это позволило бы отеснить от кормила власти сторонников императрицы.

Как бы то ни было, но после рождения десятого ребенка, Михаила, интимная жизнь Павла Петровича и Марии Федоровны прекратилась навсегда.

Императрица очень тяжело переживала это. Ее письма к адмиралу Сергею Плещееву наполнены откровенными жалобами, что Павел постоянно уклоняется от исполнения супружеского долга, ссылаясь на полную физическую несостоятельность.

Между тем эти ссылки были блефом: именно в то время камер-юнгфера Юрьева, в чьи обязанности входило стелить постель императору, ожидала появления на свет царской двойни...

Как видим, никаких подозрений императрицы в неверности ни у кого из участников этих интриг не возникало.

Сжечь переписку и дневники

— Таково было завещание Марии Федоровны. Она составила его 1 ноября 1826-го в Гатчине, за два года до смерти. Вдовствующая императрица разобрала свои бумаги, составила их полный список, вручила его статс-секретарю Григорию Вилламову. Она распределила документы по конвертам, написав на каждом, как поступить с их содержимым — сжечь или отправить адресату.

«Я желаю, чтобы пепел от писем моих родителей, — писала Мария Федоровна, — был положен со мною во гроб».

Часть писем старшего сына, Александра Павловича,

вдовствующая императрица запечатала в особый пакет. Когда-то она хотела вернуть их сыну после своей смерти, но Александр I, как известно, умер на три года раньше матери. И Мария Федоровна завещала своему четвертому сыну, Михаилу, сжечь эти письма, не распечатывая их.

Такая же судьба была уготована и выделенным в особый запечатанный пакет письмам ее покойного супруга Павла I.

Она умерла 24 октября 1828-го в 2 часа 30 минут пополудни. Кстати, ее болезнь сначала не вызывала опасений. Николай I писал брату Константину, что лейб-медик Иван Рюль «не имеет ни малейшего сомнения насчет скорого выздоровления». Однако потом жена канцлера Карла Нессельроде сообщала брату: «Я убеждена, и это общее мнение, что Рюль, доктор императрицы, не понял болезни. Такова уж судьба, что наша императорская фамилия окружает себя плохими докторами и настолько любит их, что не хочет других, а этот Рюль не понял болезни».

И действительно, придворный врач ошибся в диагнозе. 22 октября 1828-го доктор Василий Крейтон вынужден был пустить императрице кровь. Тем не менее появились признаки паралича. С этой минуты уже ничто не могло спасти Марию Федоровну...

Николай I завещание выполнил не сразу

— Не успели похоронить Марию Федоровну, как выяснилось, что, помимо воли, выраженной в завещании, вдовствующая императрица приказала сыну Николаю уничтожить еще целый ряд важнейших документов.

Вот что по этому поводу писал 14 января 1829-го Николай Павлович брату Константину: «По ее приказанию я был должен лично сжечь целый ящик, наполненный серией томов, рядом воспоминаний или дневника, писанных ею собственноручно, из года в год, восходящих до семидесятых годов и оканчивающихся около 1800 года. Признаюсь, меня это очень огорчило. Непонятно, как матушка находила время написать все то, что собственноручно начертано ею».

Константин полностью одобрил брата: «Было бы очень любопытно прочесть его, но если

Николай I

уж так-ва была ее воля, то осталось только в точности ее исполнить».

Можно не сомневаться, что воля

покойной матери была в точности исполнена и пепел от писем ее родителей положили во гроб.

О сожжении самой сокровенной части архива императрицы — ее дневников — Николай сообщил брату только спустя два месяца после того, как Константин уехал. Чем была вызвана эта задержка? Видимо, ответ надо искать в ехидном замечании Константина: «Было бы очень интересно прочесть...» На несколько томов был потребен ни один месяц. Как бы то ни было, царь сжег дневники не сразу...

Так что, видимо, мы уже никогда не узнаем, что было в тех документах.

Панихида над пеплом

— Однажды мне посчастливилось обнаружить в Российском государственном историческом архиве, среди материалов коллекции Григория Есипова, заведующего общим отделом архива МИД Российской империи, один любопытный документ. Это рапорт коменданта Петропавловской крепости министру двора от 27 октября 1866-го о находке ковчега в могиле императрицы Марии Федоровны.

Текст гласит: «Сего числа при снятии гробницы над могилою в Бозе почившей императрицы Марии Федоровны для замены таковой из нового мрамора оказался сверх пола медный ящик, укупоренный войлоком и обложенный кирпичами. Из дел комендантского управления не видно, что в этом ящике хранится, но, судя по тщательной уку-

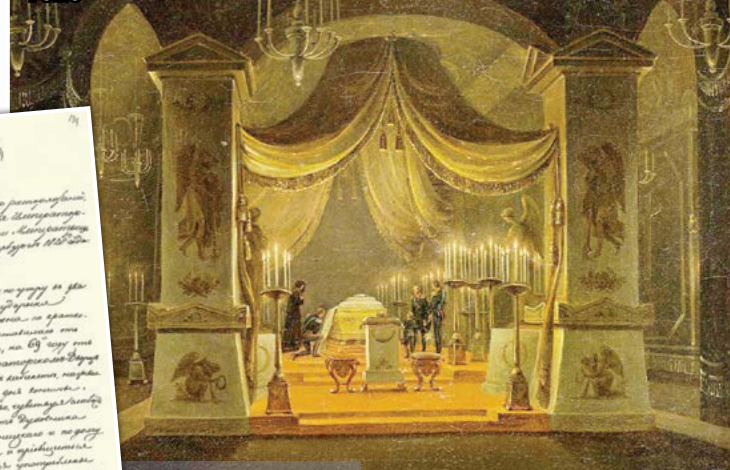
порке его, нельзя было не прийти к заключению, что ящик этот составляет ковчег с внутренностями в Бозе почившей императрицы Марии Федоровны.

Посему, сделав распоряже-

обшил брату лишь два месяца спустя после похорон, можно предположить, что это и был тот самый ящик с пеплом, который Мария Федоровна просила положить в ее гробницу.

Не исключено, что спустя

Царская семья у гроба Марии Федоровны. 1828

Копия страницы камер-фурьерского журнала, свидетельствующая о месте и времени смерти Марии Федоровны

ние об установке сего ковчега при личном моем присутствии на прежнее место с совершением панихиды благочинным Петропавловского собора Полисадовым и постановкою ковчега во вновь устроенной гробнице, имею честь донести об этом Вашему сиятельству. Комендант инженер-капитан Сорокин».

Что же заключал в себе медный ящик в действительности? Думается, не случайно он был обнаружен рабочими не в самой могиле, «под полом», а «сверх пола», то есть под мраморным саркофагом. Логично предположить, что ковчег поместили сюда уже после похорон. И если вспомнить, что о сожжении самой сокровенной части архива императрицы Николай I со-

четыре десятилетия после ее смерти благочинный Полисадов служил панихиду над этим пеплом, не подозревая о том.

Приоткрыть завесу тайны появилась возможность в 1988-м. Тогда СМИ опубликовали сенсационную новость: в Петропавловском соборе в могиле императрицы Марии Федоровны находятся записки усопшей.

Тогда же возник вполне естественный вопрос, можно ли вскрыть могилу императрицы и достать оттуда важнейший исторический памятник. Раз записки оказались в гробу, значит, они наверняка заключают в себе какую-то тайну. Не настало ли время ее вскрыть? Однако постепенно разговоры стихли. Гробница вдовы Павла I, матери двух императоров, Александра I и Николая I, так и не была потревожена.

Тайна же так тайной и осталась...

■ Записала Елена Скворцова